

Фото Виктора Хмеля

Александр Ерёмenco

До длинного слова

Прочитав сейчас эти три... — не знаю, как сказать? — горящих, пылающих, обжигающих стихотворения легендарного поэта Александра Ерёмenco, я вдруг сообразил: как же давно они написаны и впервые опубликованы!

Последняя четверть прошлого века.

Сменились эпохи, поколения и режимы, а они, посвященные «странноприимному» времени и всё подчиняющему себе языку, тревожат своей немислимой энергетикой, своей беспощадно-благородной «радиоактивностью».

И — фантастически свежи, словно бы про наше сегодня.

Особенно — финальное стихотворение.

Первое из трех появилось в середине 1980-х, два других — сразу после «горбачевской перестройки». А перед тем, в 1982-м, на вечере в Политехническом, Ерёмenco был избран Королем поэтов. Очевидно, то было в память подобного действия в 1918-м, когда автор «Облака в штанах» и «Про это» почему-то не вышел на первое место. Но то — другая тема.

Впрочем, именно слова Маяковского о поэте-собрате Хлебникове вспомнились мне в связи с нынешним гостем «Строф»: «...считаем [его] великолепнейшим и честнейшим рыцарем в нашей поэтической борьбе».

Осенью Александру Викторовичу Ерёмenco исполнится 70 лет, во что трудно поверить. Десять лет тому назад вышло собрание стихотворений его братьев-поэтов (составленное Валерием Лобановым) под названием «А я вам — про Ерёмenco».

Подобного приношения поэту-современнику я и не вспомню. В учебниках он исторически закреплён за течением «метаметафористов». Ежели заговаривают о центонах (то есть стихах из цитат), — снова вспоминают его. Всё так.

Но всмотримся в первую строфу «Ночной прогулки». Вот, всего в четырех строчках: ответ стихов Мандельштама «Нет, не спрятаться мне от великой мурсы...», начало алфавита и маршруты троллейбусов, загадка о буквах и давка на Трубной площади в день похорон тирана. И как это преображено веществом поэтического языка! И какая музыка!

Р. С. Поклон — Ирине Сурад за ее незабываемый очерк о поэзии и личности А. Е. («Новый мир», № 8, 2013). Называется — «Неправильное слово». ♣.

Павел Крючков,
заместитель главного редактора журнала «Новый мир»

Рисунок Наталии Кондратовой

Благословенно воскресение,
когда за сдвоенными рамами
начнется медленное трение
над подсыхающими ранами.

Разноименные поверхности.
Как два вихляющихся поезда.
На вираже для достоверности
как бы согнувшиеся в поясе,

и ветки движутся серьезные,
как будто в кровь артериальную
преображается венозная,
пройдя сосуды вертикальные,

и междометия прилежные,
как будто профили медальные,
и окончания падежные,
вдохнув пространства минимальные,

как по касательным сомнительным,
как по сомнительным касательным,
внезапно вздрогнут в именительном,
уже притянутые дательным...

Ах, металлическим числительным
по направляющим старательным,
что время снова станет длительным
и обязательным...

Ночная прогулка

Мы поедem с тобою на А и на Б
 мимо цирка и речки, завернутой в медь,
 где на Трубной, вернее сказать, на Трубе,
 кто упал, кто пропал, кто остался сидеть.

Мимо тёмной «России», дизайна, такси,
 мимо мрачных «Известий», где воздух речист,
 мимо вялотекущей бегущей строки,
 как предсказанный некогда ленточный глист,

разворочена осень торпедами фар,
 пограничный музей до рассвета не спит.
 Лепестковыми минами взорван асфальт,
 и земля до утра под ногами горит.

Мимо Герцена — кругом идет голова,
 мимо Гоголя — встанешь — и некуда сесть.
 Мимо чаек лихих на Грановского, 2,
 Огарева, не видно, по-моему — шесть.

Мимо всех декабристов, их не сосчитать,
 мимо народовольцев — и вовсе не счесть.
 Часто пишется «мост», а читается — «мечь»,
 и летит филология к чёрту с моста.

Мимо Пушкина, мимо... куда нас несет?
 Мимо «Тайных доктрин», мимо крымских татар,
 Белорусский, Казанский, «Славянский базар»...
 Вон уже еле слышно сказал комиссар:
 «Мы еще поглядим, кто скорее умрёт...»

На вершинах поэзии, словно сугроб,
 намечает метафора пристальный склон.
 Интервентская пуля, летящая в лоб,
 из затылка выходит, как спутник-шпион!

Мимо Белых столбов, мимо Красных ворот.
 Мимо дымных столбов, мимо траурных труб.
 «Мы еще поглядим, кто скорее умрёт». —
 «А чего там глядеть, если ты уже труп?»

Часто пишется «труп», а читается «труд»,
 где один человек разгребает завал,
 и вчерашнее солнце в носилках несут
 из подвала в подвал...

И вчерашнее солнце в носилках несут.
 И сегодняшний бред обнажает клыки.
 Только ты в этом тёмном раскладе — не туз.
 Рифмы сбились с пути или вспять потекли.

Мимо Трубной и речки, завернутой в медь.
 Кто упал, кто пропал, кто остался сидеть.
 Вдоль железной резьбы по железной резьбе
 мы поедem на А и на Б.

«Печатными буквами пишут доносы».
 Закрою глаза и к утру успокоюсь,
 что все-таки смог этот мальчик курносый
 назад отразить гроыхающий конус.

Сгоревшие в танках вдыхают цветы.
 Владелец тарана глядит с этикеток.
 По паркам культуры стада статуэток
 куда-то бредут, раздвигая кусты.

О, как я люблю этот гипсовый шок
 и запрограммированное уродство,
 где гладкого глаза пустой лепесток
 гвоздем проковырян для пущего сходства.

Люблю этих мыслей железобетон
 и эту глобальную архитектуру,
 которую можно лишь спяну или сдуру
 принять за ракету или за трон.

В ней только животный болезненный страх
 гнездится в гранитной химере размаха,
 где словно титана распахнутый пах
 дымится ущелье отвесного мрака.

...Наверное, смог, если там, где делить
 положено на два больничное слово,
 я смог, отделяя одно от другого,
 одно от другого совсем отделить.

Дай Бог нам здоровья до смерти дожить,
 до старости длинной, до длинного слова.
 Легко ковыляя от слова до слова,
 дай Бог нам здоровья до смерти дожить.

